

М.С. ШАЙКЕМЕЛЕВ

СООТНОШЕНИЕ «ГРАЖДАНСКОГО» И «ЭТНИЧЕСКОГО» В СТРУКТУРЕ КАЗАХСАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье проведен компаративистский анализ соотношения этнического и гражданского компонентов в контексте реалий казахстанского социально-философского дискурса. Показано, что отечественное этнонациональное образование находится еще на близкой к начальной стадии своего формирования в качестве полной нации, с преобладанием этнокультурного аспекта идентификации.

Сравнительный анализ понятий гражданского и этнического в понятийной структуре отечественного социально-философского дискурса базируется на выяснении проблематики соотношения сущности этноса и нации, этнического и гражданского национализма.

Проблемам национальной психологии и межнациональных отношений в советский период были посвящены работы, не утратившие своего теоретического значения и в наше время, но рассматривавшие этнокультурные процессы исключительно с точки зрения противостояния буржуазного национализма и советского интернационализма. В годы независимости вышел ряд публикаций отечественных авторов, посвященных анализу проблем возрождения национального самосознания, становлению новых методологических подходов к проблемам национальных культур полигэтнического общества. Все эти публикации представляли собой первые попытки осмысления проблем национального строительства, подразумевая, прежде всего, освобождение от оков прежних идеологических догм и обнародование тех имен и того культурного наследия, которое при советской власти было под запретом. Тем не менее, академическая школа естественнонаучных и гуманитарных исследований, методология и методика дискурсивных практик советской научной школы остались в наследство суверенному Казахстану. Поскольку содержание дискурсивных и социально-политических практик в наших государствах очень схожи, за основу полемического исследования в отношении понятий нации, этноса и национализма нами были взяты, прежде всего, концепции российских исследователей. Попробуем обосновать свой выбор из ряда основных трактовок, наиболее подходящих к нашим реалиям.

Большинство исследователей считают, что этнос исторически возник раньше нации. Соглашаясь с этим, обратимся сначала к феномену этноса. Как известно, российский этнолог А.П. Садохин все многообразные концепции этноса и этничности свел к трем основным типам: 1) примордиализм (его еще называют субстанциализмом и эссенциализмом), 2) инструментализм и 3) конструктивизм [1]. В примордиализме им вычленяются природное и эволюционно-историческое направления. Примером данного направления он считает социобиологическую концепцию этноса. В советской науке были представлены два направления теории этноса и этногенеза: природное, автором которого был Л.Н. Гумилев и культурно-историческое, которое представлял Ю.В. Бромлей. Возвращаясь к типологии А.П. Садохина, можно сказать, что концепция Л.Н. Гумилева совпадает с примордиализмом, а инструменталистская и конструктивистская однозначно являются социо-культурными истолкованиями этноса. Эти же типы выделил казахстанский исследователь Г.В. Малинин [2, с. 11-12]

Не вдаваясь в специальный анализ данной концепции, отметим, что для Л.Н. Гумилева этническое и социокультурное – принципиально различные феномены. Согласно ему, «сам этнос – явление природы» [3, с. 178]. Он пишет: «Этнос у человека – это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т.д.» [4, с. 13]. Гумилев прямо заявляет, что «распространенное мнение, будто этносы сводятся только к тем или иным социальным явлениям, мы считаем гипотезой недоказанной...» [4, с. 18]. Им подчеркивается, что «необходимо рассматривать этнические и культурные взаимодействия не как нечто целое, а как постоянное сочетание двух форм развития: природной и социальной» [5, с. 18]. Таким образом, этногенез и социогенез у него находятся в параллельных измерениях, также как этнос и социум с культурой. Этногенетический процесс действия пассионарной энергии Гумилев описывает как: вспышка – толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание. Естественно, что к социокультурной реальности этот понятийный аппарат не подходит, он более близок к предмету естественных наук.

Антитезой гумилевской теории этногенеза явились теория, предложенная академиком Ю.В. Бромлеем. Главное ее отличие от гумилевской концепции – это рассмотрение этноса как социокультурного феномена. Этнос у Бромлея характеризуется «как исторически сложившаяся на опре-

деленной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [6, с. 56]. Академик предложил различать этнос в более широком смысловом контексте, как понятие, близкое по смыслу к нации и в собственно этническом понимании. Концепция Бромлея также несвободна от издержек, но ее преимуществом по сравнению с гумилевской является признание этноса социокультурной реальностью. Этнос – специфическая форма человеческой общности, ибо «формирование Я и формирование Общества надо рассматривать не как два различных взаимно дополняющих друг друга процесса, а как один-единственный процесс» [7, с. 23]. Этносы возникают, какой-то исторический период существуют и под влиянием различных внешних и внутренних факторов прекращают свое существование.

Далее нам необходимо рассмотреть еще один полемический вопрос – вопрос о сущности нации и о соотношении этноса и нации. При этом отметим, что если принять концепцию этноса Л.Н. Гумилева, то вопрос этот теряет свой смысл. Как известно, в научной и публицистической литературе советского периода господствовало определение нации, данное И.В. Сталиным: «*Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры*» [8, с. 296]. Это определение без всяких изменений вошло в понятийный аппарат науки советского периода, а также в общественное сознание, ассоциировавшее понятия этноса и нации в одной дефиниции. Данная трактовка «национального» и «этнического» и их фактическое отождествление подверглось ревизии только после распада СССР.

Так, в «Новейшем философском словаре» отмечается, что нация есть «полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности (политические нации) граждан определенного государства и как этнической общности (этно-нация) с единым языком и самосознанием» [9, с. 460]. Большинство авторов утверждают, что нации появились в человеческой истории лишь на определенной ее стадии, а именно при переходе от традиционных аграрных обществ к индустриальным. Таким образом, нация, как и создаваемое ею – государство-нация являются продуктом развития капиталистических отношений. Яркий пример тому – формирование наций в Западной Европе, когда нация как человеческая общность приходит на смену этносу. Но в чем конкретно состоит различие между этносом и нацией? Ведь это, на наш взгляд, принципиальный вопрос, так как до сих пор, исходя из сталинского определения, многие политики, общественные деятели и даже ученые пытаются подменить национальное этническим.

В чем же заключаются отличительные особенности нации? По мнению Ю.М. Бородая: «Первый важнейший признак нации заключается в том, что она исходна, по природе своей полиглочна, или точнее – надэтнична» [10, с. 315]. В процессе формирования и развития буржуазного государства различные этнические группы постепенно ассимилируются и вырабатывают общие культуру и ценности. Это и есть национальное государство. Нация как таковая, следовательно, без своей государственности существовать не может. В свете данного понимания сущности нации можно подтвердить, что приведенное выше определение нации И.В. Сталиным, есть на деле определение всего лишь этноса.

Из данного понимания, далее следует, что связь между этносом инацией есть, прежде всего, связь между менее развитой формой человеческой общности и более развитой. В этносе главенствующим является самоутверждение через бинарную оппозицию («мы – они») и сохраняемая при этом целостность этнического образования. В нации, находящейся на более высокой ступени развития, данный элемент противопоставления через «кровное отрицание» не принимается во внимание, либо не является столь существенным как в этническом сознании. И дело не в том, что одна нация перестает противопоставлять себя другим («чужим»). Дело в том, что нация внутри себя начинает осуществлять взаимоотношения не на кровно-этнических основаниях, а на политических и гражданских принципах. Отсюда и осознанная терпимость к «чужим по крови» соотечественникам, но разделяющим единые ценности. Такого рода терпимость в корне отличается от вынужденной толерантности, когда «чужих» терпят из чувства безысходности или страха. Получается, что в нации преобладающим элементом становятся не генеалогические, а гражданские и политические отношения. Тем не менее, с формированием нации этническое содержание никуда не исчезает, а приобретает подчиненное положение в отношении гражданского содержания. Мы видим, что даже в Европе, особенно в ее восточных и южных частях, еще до сих пор идут процессы формирования наций с тем или иным преобла-

дание этнического элемента. «Полными» или окончательно сформировавшимися нациями мы можем считать только английскую, французскую, немецкую, итальянскую, нации Скандинавии. Швейцария – это вообще уникальный пример страны, где существует четыре официальных языка, что не мешает ее гражданам считать себя единой нацией.

По мнению Э.Д. Смита, «для всех наций характерен отпечаток как территориальных, так и этнических принципов и компонентов, и все они представляют не вполне гармоничный сплав более поздней “гражданской” и более древней “генеалогической” моделей социальной и культурной организации» [11, с. 93]. Тем не менее, ни одна формирующаяся нация не может выжить без мифа об общности происхождения, также как этнос, стремящийся к статусу нации не может достичь своих целей, минуя гражданское равенство общих прав и обязанностей всех членов общества.

Большинство современных государственных объединений, в том числе и казахи – это этнации. Поэтому для казахов более важной является их этносоциальная идентичность и соответствующая ей идентификация и самоидентификация. Сущностью этносоциальной идентификации в этих условиях является процесс установления личностью своей принадлежности к конкретной этносоциальной общности внутри национального образования, своей идентичности с ее представителями и ее отличия от представителей других этносоциальных образований. В этот процесс идентификации и самоидентификации входит осознание и уяснение статуса референтного этноса в контексте национального целого, его оценка со стороны этого целого и собственная субъективная самооценка. И здесь можно согласиться с В. Ю. Хотинец, что «этническая самоидентификация и этническое самосознание есть однопорядковые, но не тождественные понятия» [12, с. 73.]. Согласно ей, «этническая самоидентификация является фактором формирования представления о себе как об этническом субъекте, одним из уровней становления этнического самосознания» [12, с. 73.].

Казахам, особенно старшему поколению очень хорошо известна формулировка – «буржуазный национализм». Именно под этой формулировкой были репрессированы видные деятели Алаш-орды, а затем и наиболее яркие и преданные коммунистической идеи представители казахской партийной и государственной номенклатуры. Термин «казахский национализм» всплыл после декабрьских событий 1986 года. В советской казахстанской прессе долго еще звучал отзвук обиды за «огульное» обвинение казахов в национализме и попытки представить эти события не как рост национального самосознания, а как выступление неких «отщепенцев», замаравших доброе имя казахского народа. На самом деле, – это был всплеск этнического самосознания, которое десятилетиями подавлялось советским режимом. Вспышка, спровоцированная грубыми действиями «центра» выяснила проблематику этнической самоидентификации, зревшей латентно, в процессе формирования казахского этнического самосознания. Подчеркнем, что это был всплеск этнического, а не национального самосознания, поскольку урбанизированные (русскоязычные) казахи, сформировавшиеся в иной,rationально-конформистской, интернациональной городской среде (в которой они всегда были в значительном меньшинстве), не присоединились к декабрьским событиям. Таким образом, в тот момент не существовало единства целей внутри казахского этноса и понимания того, в каком направлении должно двигаться национальное строительство. Разумеется, по замыслу идеологов из «центра», это движение должно было идти в направлении растворения казахского этноса в «едином советском народе». Но часть казахов, сохранившая костяк этнического сознания – обычаи, язык и духовную связь с собственной историей, была настроена против процесса ассимиляции в «единую и нерушимую коммунистическую общность». Именно их дети и внуки в лице студенческой молодежи и были основными действующими лицами декабрьских событий 1986 г. Последовавший через пять лет развал СССР лишь более четко выяснил ранее оформленный факт, что казахский этнос оказался разделенным – на городских, европеизированных и аульных, традиционных казахов. Таким образом, аксиологические критерии идентификации, обозначающие социокультурные границы между этносами, образовались внутри самого казахского этнического сообщества.

Как результат, на сегодняшний день мы имеем двойственную идентичность, аморфность и дуализм в определении и применении терминов «казахский» и «казахстанский» и соответственно – отсутствие идеологии казахстанского гражданского национализма. Результатом разобщенности казахов является и то, что казахская буржуазия и средний класс достаточно слабы, а в виде своего этничесированного крыла (национал-патриотов) апеллируют к вопросам культуры и языка, а не экономики и политики. Национал-патриоты, которые видят будущее казахстанской нации сформированным только лишь на основе казахской этнической идентичности игнорируют русский (евро-пейский) конгломерат своей уже определенным образом сформировавшейся казахстанской идентичности, которая продолжает собственное стихийное становление. Дело в том, что традиционное мышление более всего и во всех слу-

чаях апеллирует, прежде всего, к наследию предков (аруахов). Идет процесс фильтрации той или иной ситуации, доктрины, мнения сквозь призму того, каким образом они соотносятся с теми мыслительными и поведенческими образами и стереотипами, которые были присущи прежнему этническому сознанию. Таким образом, пытаясь вытеснить из процесса идентификации русский (читай: европейский, глобальный) фактор, они противоречат сами себе, поскольку выбор почитаемых казахами аруахов – ханов, биев, родовых старшин и собственных прародителей, сделанный ими почти три столетия назад, был осуществлен в пользу России (читай: европейского вектора развития). Процесс «добровольного вхождения» Казахского ханства в Российскую империю – отнюдь не миф, на чем и настаивал популярный в Казахстане Л.Н. Гумилев [13, с. 30]. Это результат взаимной комплиментарности, имеющей глубокие исторические корни. Почему казахи потянулись за помощью не к своим азиатским собратьям-единоверцам? А европейская (западная) идентификация, так или иначе, стала частью казахской идентичности? Хотим мы того или нет, глобальные процессы породили эффект «матрешки», в котором национальная идентичность представляет собой идентификационные матрицы и коды, вложенные один в другой. Новейшие ценности и идеалы, обрушившиеся на казахскую этнокультуру вместе со стремительными процессами рыночной модернизации и глобализации, оттеснили прежние социальные формы жизнедеятельности на периферию самосознания. Социокультурные коды этнического мышления в виде генеалогических и традиционно-патриархальных кодов сосуществуют в реальной структуре маргинализирующегося казахстанского общества наряду с аграрно-индустриальными и постмодернистскими идентификационными матрицами «третьей волны» (информационного общества). На сегодняшний день казахская этнокультурная идентичность представляет собой симбиоз пересекающихся и накладывающихся друг на друга идентичностей, что предполагает отсутствие жесткой иерархии социальных связей, их аморфность в структуре социума. В этом мы видим причину отсутствия единой национальной идеи, которая бы сформировала целостный феномен казахстанской нации на основе единых ценностей.

Обретение независимости в Казахстане не было связано с националистическим движением, как скажем в той же Европе во времена консолидации этнических групп и образования там государств-наций. В процессе социально-политической борьбы за свои права западноевропейцы постепенно пришли к современному пониманию нации, как, в первую очередь, гражданского сообщества. «Нация рассматривалась как единство, конституированное, по большей части, не в силу «крови и почвы», а в силу общественного договора и единого культурно-лингвистического пространства, хотя это воображаемое единство подчас не подкреплялось реалиями или разрывалось социальной борьбой, характерной для Европы тех лет» [14, с. 230].

В Казахстане процессы регулирования и регламентации межэтнических взаимоотношений и этносоциальных процессов, на наш взгляд, идут бессистемно – путем компромиссов и использования потенциала толерантности, накопленного за советский период. Отсутствие целостной нацио-нальной идеи и концепции создания единой казахстанской нации говорит о том, что наше этнонациональное образование находится еще на близкой к начальной стадии своего формирования в качестве полной нации, ощущающей единство целей и ценностей. Возможно, что выработка единой концепции становления казахстанской нации недостает целостной идеологии «государственного национализма»?

В хрестоматии «Этнос и политика», в которой собраны статьи ведущих мировых специалистов в области этнологии, национализму дается следующее определение: «Национализм – это идеология, основанная на убеждении, что народ, обладающий общими свойствами, такими как язык, религия или этничность, составляет особую политическую общность. Националисты стремятся сохранить это социальное своеобразие, чтобы защитить те социальные блага, которые являются результатом национальной идентичности и принадлежности к нации» [15, с. 104 – 105]. Безусловно, данная формулировка национализма исходит из конструктивистской концепции нации как надэтнического политico-гражданского образования, которое является результатом эволюционного становления буржуазного общества. Таким образом, для казахов, которые определены нами как этно-нация, соответствует национализм противоположного, примордиалистского характера. В научной литературе по данной теме традиционно сложилось бинарное противопоставление этих форм национализма. «Плохим» в этих оппозициях, с точки зрения классического европоцентризма является восточный (этнический, органический, этнико-генеалогический, трайбалистский, колlettivistский) тип национализма, как находящийся на более «низкой» стадии развития по сравнению с национализмом западным (политическим, гражданским, либеральным, гражданско-территориальным, индивидуалистским), соответствующим «полным» нациям. По мнению известного

российского специалиста по национальному вопросу В. Коротеевой: «Аналитическая слабость подобного деления заключается в неопределенности культурного измерения национальности и национализма» [16].

Нельзя не отметить тот факт, что в последние десятилетия дихотомия гражданского и этнического национализма в западной литературе начинает претерпевать серьезные метаморфозы. И не в последнюю очередь это связано с провалом политики мультикультурализма, о которой с высоких трибун на весь мир заявили лидеры Германии, Франции и Великобритании – именно тех стран, в которых сформировались «полные» нации. Выясняется, что в модели гражданского национализма присутствует значительный этно-культурный компонент, который отторгается новыми поколениями трудовых мигрантов. Первые поколения гастарбайтеров, особенно европейских (юго-славы, итальянцы, поляки) благополучно интегрировались в германское, французское, британское общества с развитой экономикой и близкой религией и культурой. С выходцами из стран Азии и Африки ситуация совершенно иная. Тот самый этнокультурный компонент, который предлагали развитые страны, так и не стал привлекательным или определяющим для турков, пакистанцев, арабов и других этнических групп с достаточно сильной собственной этноидентичностью и, как правило, исламской религиозной идентификацией. Результатом интегративно-ассимиляционных процессов, стало возрождения национализма и ослабление позиций мультикультурализма, что в свою очередь перевернуло устоявшиеся теоретические представления о соотношении «этнического» и «гражданского» компонентов в структуре национальной идентичности. Проблема эта крайне актуальна как в развитых, так и в развивающихся странах, исключая разве что абсолютно однородную Японию.

Примечательно, что в России решили привести соотношение терминов «этнический» и «национальный» в соответствие с современным их пониманием. Российским правительством в 2011 году подготовлен законопроект, согласно которому термин «национальный» будет употребляться сугубо в отношении всего государства, тогда как межнациональные отношения и конфликты будут называть исключительно «межэтническими». Все эти изменения коснутся целого ряда действующих законов: о коммерческих организациях, об общественных объединениях, о политических партиях и т.д. С точки зрения разработчиков закона, термин «национальный» употребляется и в отношении отдельных этнических групп, и в отношении целого государства. В этом и кроется та терминологическая неразбериха, о которой упоминалось выше в связи с традиционным, присущим постсоветскому социодискурсу, соотношением терминов «этнический» и «национальный». Инициированное правящим тандемом В. Путина и Д. Медведева теоретическое нововведение направлено на укрепление межнационального согласия и озвучено президентом России: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» [17].

Российское руководство ясно осознает, что это движение от этнической идентичности с привычными этнанизированными понятиями и стереотипами к гражданской общероссийской идентификации представляет собой временной и безальтернативный процесс. Внося ясность в теоретическое осмысление и вхождение нового понимания терминов: нация, этнос, национализм «гражданский» и «этнический», общегражданская идентичность и т.д. в структуры сознания граждан, не приходится рассчитывать, что с изменением терминологии автоматически изменятся стереотипы мышления и поведения. Это конструирование национальной идентичности займет не один десяток лет и потребует смены не одного поколения. В этом процессе формирования гражданских национальных идентичностей крайне важными видятся усилия интеллектуальной элиты государства – учителей, вузовской профессуры, журналистов, юристов и политиков. Эти (конструктивистские и инструменталистские) подходы и принципы исследования достаточно полно разработаны в трудах западных обществоведов – Б. Андерсона, Ф. Барта, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и российских исследователей – В.С. Малахова, В.А. Тишкова, С.В. Соколовского.

В данном контексте нет оснований предполагать, что есть существенные отличия в предмете и методе осмысления казахстанских и российских реалий. Перед казахстанским обществом стоят те же задачи по конструированию казахстанской идентичности, в которой политический, гражданский национализм должен будет преобладать над его этническим компонентом. Поскольку в Казахстане процесс формирования казахстанской нации находится в стадии своего становления на уровне государственно-управленческих и идеологических структур возможно специальное конструирование этносоциальных идентичностей для разных этносов полизитнического национального образования с целью закрепления в сознании новейших стереотипов, диспозиций и презумпций, которые бы отражали единство их судеб и интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садохин А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2001. 254 с.

2. Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. Учебное пособие для вузов. Алматы: ИФП МОН РК, 2002. 305 с.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2003. 560 с.
4. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 279 с.
5. Гумилев Л.Н. Культурогенез и этногенез кочевых и оседлых цивилизаций в средние века // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 19 – 24 ноября 1987 г. Алма-Ата, 1987. С. 18 – 19.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
7. Хамидов А. Общая логика соотношения Я и Общество // Я и Общество. Алма-Ата: Казахстан, 1989. С. 13 – 75.
8. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 2. С. 290 – 367.
9. Терешкович П.В. Нация // Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В.М. Скаакун, 1998. 460 с.
10. Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гностис, 1996. 413 с.
11. Смит Энтони Д. Образование наций // Этнос и политика. Хрестоматия. М.: УРАО, 2000. С. 86 – 94.
12. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая са-моидентификация и этническое самосознание// Социс. 1999. № 9. С. 67 – 74.
13. Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. – М.: Айрис – пресс, 2003. 576 с.
14. Национальная идея в Западной Европе в новое время: Очерки истории. М.: ВЕЧЕ, 2005. 496 с.
15. Эберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Национализм // Этнос и политика. Хрестоматия. М.: УРАО, 2000. С. 104 – 105.
16. Коротеева В.В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? <http://nationalism.org/library/science/nationalism/koroteeva/p&c1997.htm>
17. В России нация едина / Трибуна Общественной палаты РФ <http://top.oprf.ru/main/4255.html>

LITERATURA

1. Sadohin A.P. *Jetnologija*. M.: Gardariki, 2001, 254 (in Russ.).
2. Malinin G.V., Dunaev V.Ju., Kurganskaja V.D., Nysanbaev A.N. *Teoriya i praktika mezhetnicheskogo i mezhkul'turnogo vzaimodejstvija v sovremennom Kazahstane. Uchebnoe posobie dlja vuzov*. Almaty: IFP MON RK, 2002, 305 (in Russ.).
3. Gumilev L.N. *Jetnogenet i biosfera Zemli*. M.: Ajris-press, 2003, 560 (in Russ.).
4. Gumilev L.N. *Geografiya jetnosa v istoricheskij period*. L.: Nauka, 1990, 279 (in Russ.).
5. Gumilev L.N. *Kul'turogenet i jetnogenet kochevyh i osedlyh civilizacij v srednie veka. Vzaimodejstvie kochevyh kul'tur i drevnih civilizacij. Tezisy dokladov sovetsko-francuzskogo simpoziuma po arheologii Central'noj Azii i sosednih regionov*. Alma-Ata, 19 – 24 nojabrja 1987 g. Alma-Ata, 1987, 18 – 19 (in Russ.).
6. Bromlej Ju.V. *Ocherki teorii jetnosa*. M.: Nauka, 1983, 412 (in Russ.).
7. Hamidov A. *Obwaja logika sootnoshenija Ja i Obwestva. Ja i Obwestvo*. Alma-Ata: Kazahstan, 1989, 13 – 75 (in Russ.).
8. Stalin I.V. *Marksizm i naciona'l'nyj vopros*. Stalin I.V. *Sochinenija*. M.: Gospolitizdat, 1951, T. 2. S. 290 – 367 (in Russ.).
9. Tereshkovich P.V. *Nacija. Novejshij filosofskij slovar'*. Minsk: Izd-vo V.M. Skakun, 1998, 460 (in Russ.).
10. Borodaj Ju.M. *Jerotika – smert' – tabu: tragedija chelovecheskogo soznaniija*. M.: Gnozis, 1996, 413 (in Russ.).
11. Smit Jentoni D. *Obrazovanie nacij. Jetnos i politika*. Hrestomatija. M.: URAO, 2000, 86 – 94 (in Russ.).
12. Hotinec V.Ju. *O soderzhanii i sootnoshenii ponjatij jetnicheskaja sa-moidentifikacija i jetnicheskoe samosoznanie*. Socis. 1999, № 9. 67 – 74 (in Russ.).
13. Gumilev L.N. *Chernaja legenda: Druz'ja i nedrugi Velikoj stepi*. M.: Ajris press, 2003, 576 (in Russ.).
14. *Nacional'naja ideja v Zapadnoj Evrope v novoe vremja: Ocherki istorii*. M.: VEChE, 2005, 496 (in Russ.).
15. Jeberkrombi N., Hill S., Terner B.S. *Nacionalizm. Jetnos i politika*. Hrestomatija. M.: URAO, 2000, 104 – 105 (in Russ.).
16. Koroteeva V.V. *Suwestvujut li obwepriznannye istiny o nacionalizme?* <http://nationalism.org/library/science/nationalism/koroteeva/p&c1997.htm> (in Russ.).
17. *V Rossii nacija Edina. Tribuna Obwestvennoj palaty RF* <http://top.oprf.ru/main/4255.html> (in Russ.).

Резюме

Шайкемелев М.С. Қазақстандық бірегейлік құрылымындағы «азамат-тық» пен «этникалық» арақатынасы

Макалада қазақстандық әлеуметтік-философиялық дискурс болмысының аясындағы этностық және азаматтық компоненттердің арақатынасын салыстырмалы таңдау берілген. Отандық этноштиттық түзілім әл де болса толық үлт репінде қалыптасуын бастапқы кезеңінде орналасқандығы көрсетіледі, бірегейліктің этномәдени қырының басым екендігі айтылады.

Summary

Shaikemelev M.S.

Correlation between “Civil” and “Ethnic” in the Structure of Kazakh Identity

It is conducted in the article comparative analysis of correlation between ethnic and civil components in the context of Kazakhstan social philosophic discourse. The author shows that native ethno-national structure now is at the first stage of its forming as a whole nation when ethno-cultural aspect of identification is overwhelming.